

Вехи моей жизни

Семья

Появился я на свет 20 ноября 1935 года в селе Петропавловка Майорского сельсовета Сакмарского района Оренбургской области. Мама моя, Анна Дмитриевна Басагина, умерла совсем молодой в 1939 году. Запомнилось только: больница, люди в белых халатах. Отец, Ефим Егорович Хилько, работал счетоводом в колхозе и с начала войны был призван на фронт. Вернувшись с войны в 1945 году инвалидом, он работал на мирном фронте, в основном, сторожем.

Жили мы в небольшой саманной хате, крытой соломой. Старше меня были три сестры – Мария (1924 г.р.), Зоя (1929 г.р.), Рая (1931 г.р.) и брат Василий (1927 г.р.), после меня была младшая сестрёнка Люба (1938 г.р.).

Все они работали в колхозе. Жили мы очень бедно. Зимой хата, отапливаемая киззяками, промерзала настолько, что вода в ведре замерзала, а стены, покрывшись тонким слоем льда, блестели. Единственным тёплым местом была русская печь, которая занимала почти четверть хаты. Там же ютились каждую раннюю весну телёнок и ягнята.

Кормились со своего подворья. Из живности были корова, свинья, шесть овец, с десяток кур и гусей. Имелся приусадебный участок, на котором высаживали много картофеля, капусты и прочих овощей. Каждую весну готовили суп из свежей крапивы и лебеды.

Подспорьем были и суслики. Дело в том, что их в то время было множество. И, по мнению специалистов, они приносили вред сельскому хозяйству, поедая зерно. Поэтому школьникам ежегодно давалось задание уничтожить по сто штук. У меня были капканы и

силки для их ловли. А также, используя весенние ручьи, я выливал сусликов из нор. Затем обдирал с них шкурки, обрабатывал и сдавал старьёвщику, который ездил по деревне, собирая всякий хлам, а заодно – и шкурки. Каждая выделанная шкурка стоила пятьдесят копеек. Я добывал их до трёхсот штук. И на вырученные деньги покупал себе обувь фабрики «Скороход». А из тушек сестра готовила прекрасное жаркое.

Недалеко от нашей хаты был колхозный свинарник, в котором кормились воробьи. Мы с сестрой Зоей ночью брали фонарь «Летучая мышь» и мешок, шли в свинарник, выгоняли воробьёв из-под крыши. Они летели на свет фонаря. Мы их ловили, отрывали головы и складывали в мешок. Из них сестра готовила блюдо, это был деликатес.

Поскольку отец был ярый курильщик, высаживалась целая плантация табака, обработка которого лежала на моих плечах (поливал, срывал цветки, чтобы табак был крепче, затем рубил, сушил, отсеивал мелочь как понюшку).

Местные ребята все курили мой табак. И однажды я решил проверить, каково удовольствие получают от этого. Будучи дома один, как смог, сделал самокрутку и закурил. Я слышал, что надо вдыхать в себя, и глубоко затянулся. Тут же закружилась голова, и меня вырвало с кровью. Никогда в жизни я больше серьёзно не курил.

Забота о подсобном хозяйстве, в основном, лежала тоже на мне. Приходилось поливать огород из речки Янгиз, преодолевая крутой подъём берега, что для моего возраста было непросто. Отдыхать было некогда. Поэтому детства, как такового, у меня не было.

После войны развелось очень

много волков, которые уничтожали всех деревенских собак, а затем, разгребая крыши сараев, залезали в них и резали овец.

Однажды со мной произошёл такой случай: я пас овец недалеко от деревни. Вдруг из оврага выскакивает волк (я почему-то думал, что это собака). Волк захватил ягнёнка за зад, а я за голову. Так мы тащили ягнёнка каждый в свою сторону, но волк оказался сильнее меня. Он выхватил ягнёнка, закинул себе на спину и убежал. За утащенного волком ягнёнка я был жестоко избит старшей сестрой, убежал из дома и три дня жил в соломе на крыше сарая. Доставалось мне и за каждого цыплёнка, унесённого коршуном.

Школа

В первый класс я вынужден был пойти только с девяти лет, так как не в чем было ходить (кстати, первые трусы я выпросил у старшего брата, когда он вернулся из армии). Но читать и писать уже умел. Школа у нас была семилетняя. Учился я только на отлично, заканчивая каждый класс с Почвальной грамотой.

Отец мой, имея за плечами церковно-приходскую школу, очень здорово разбирался в математике. И когда мне не удавалось решить сложные задачи, я обращался к нему за помощью. И он, лёжа на кровати, не выпуская из рук сигарку, в уме находил правильное решение. Хотя он требовал, чтобы я решал самостоятельно. Были случаи, что в классе никто не мог решить контрольные за четверть. И когда я приносил решённые задачи, учитель хвалил меня. Я честно признавался, что это заслуга отца.

В школе был учитель физкультуры, который, как ни странно,

обучил нас танцевать вальс, говоря при этом, что это сложный танец и вам нигде будет его изучать, а в жизни вам это пригодится, за что я ему благодарен.

Каждое лето я работал в колхозе. Сначала приходилось пасти скот: свиней, коров, лошадей, быков. С возрастом, работая наравне с взрослыми от зари до зари, заслужил доверие, и мне стали поручать серьёзную работу: на конных граблях, сенокосилке, запряжённой тройкой лошадей, на жатке-лобогрейке. А когда наступала пора уборки урожая, переходил на комбайн «Сталинец-6», на котором работал сначала на самодельном соломокопнителе, а затем штурвальным.

Окончив семилетку с отличием, я поступил в районную Сакмарскую среднюю школу, расположенную от нашей деревни в 25 километрах. Проживал на частной квартире, которую оплачивала школа. На учебный год мне для пропитания отец привозил мешок муки и мешок картошки. В школе, как к новичку, ко мне относились доброжелательно. Может, потому, что я был неплохим спортсменом-лыжником. Сразу же стал чемпионом школы.

В девятом классе даже принимал участие в областных соревнованиях по лыжным гонкам общества «Колхозник» по справке бухгалтера колхоза имени Ворошилова, где неожиданно для себя занял первое место на тридцатикилометровой дистанции, за что был премирован отрезком на костюм.

В первый же день учительница русского языка и литературы провела диктант. И среди тридцати учащихся класса только двое получили удовлетворительные оценки, все остальные, и в том числе я, получили двойки. Я был в шоке

от этого, понял, что моих прежних знаний семилетней школы недостаточно, и пришлось подналечь на русский язык.

Директором школы был своеобразный человек, у него глаза разного цвета – один зелёный, другой коричневый. Ходил он в полувоенной форме и белых бурках, которые при ходьбе скрипели со страшной силой. У него на занятии по химии, которую он преподавал, как в институте (читал лекцию, расхаживая по кабинету), я, будучи уже секретарём комсомольской организации девятого класса, занимался другим делом. Директор заметил это. Немедленно вызвал меня к доске и попросил повторить то, о чём он только что говорил. Естественно, я ничего не мог рассказать, и он поставил мне двойку. Это было в начале первой четверти. И после этого случая до окончания школы он ни разу меня не спрашивал в классе, а в конце каждой четверти вызывал к себе в кабинет, где я, стоя у порога, отвечал на его вопросы и даже «писал реакции». Когда он ставил мне отлично, то говорил: «На уроке надо заниматься химией». Я тщательно готовился к этому экзамену каждую четверть, а он давал материала больше, чем в школьной программе. Поэтому, когда я поступил в институт и стал изучать общую химию автора Глинки, я всё это уже знал, и мне было очень легко.

Ещё учась в начальной школе, я как-то прочитал книгу о лётчике Валерии Чкалове, в которой меня поразили его подвиг и слова: «Если быть, то быть первым». Это стало моим девизом на всю жизнь и помогло окончить школу с золотой медалью.

(Продолжение в следующем номере).